

БОГ И ПРАВО (МНОГО- ИЛИ ОДНОПОЛЯРНЫЙ МИР?)*

Г.М. Вельяминов**, В.С. Семенов***

*В начале было Слово, и
Слово было у Бога, и
Слово было Бог.
Евангелие от Иоанна.*

Этот безумный мир

1999 год — год подведения итогов уходящего XX века. Не календарно, но историко-эпохально век этот, можно утверждать, начался не столько с 1901 года, сколько с Первой мировой войны 1914—1918 гг. и крушения четырех мировых империй: России, Германии, Австро-Венгрии, Турции, а вскоре и Британской империи. Именно это стало началом конца, конца многовековой эпохи действительно многополярного мира, эпохи относительно геополитической сбалансированности и господства вековых морально-идеологических ценностей, эпохи медленнотекущего технического прогресса. XX век ознаменовался бурным научно-техническим развитием, небывалыми по масштабам войнами, социально-политическими катаклизмами, крахом колониализма, невиданным всплеском национализма и идеологической нетерпимости. Думается при этом, что и фашизм и советский коммунизм потерпели в уходящем столетии идеологический и реальный крах прежде всего потому, что в основе своей ориентированы были не на любовь человека к человеку, но на ненависть и нетерпимость.

Почти полстолетия ушло на пожирающее колоссальные материальные ресурсы bipolarное противостояние двух сверхдержав — Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, завершается век полной победой США в этом противостоянии, уверенной и последовательной демонстрацией США притязания на мировую гегемонию и диктат. Американизм торжествует не только в геополитике, в экономическом

*Не будучи теологами, авторы ни в малейшей мере не посягают в этой статье на какие-либо собственные подходы к пониманию и толкованию канонических текстов любых религий и позволяют себе со всем пиететом прибегать к священным текстам исключительно с целью обоснования сакральности и единства истоков общечеловеческой морали и права, но ни в коем случае не с целью противопоставления таких текстов друг другу, а также суждениям тех или иных мыслителей или богословов. Упоминаемые в статье выражения Бог, Всевышний, Аллах, Господь и иные аналогичные им не мыслятся отличными от понимания их в соответствующих конфессиях. Отбор, частота и пространность использования тех или иных священных текстов или высказываний отдельных авторов не предполагают в любом отношении умаления источников, оставшихся вне поля зрения.

**Доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН (Россия).

***Кандидат юридических наук, профессор Национальной юридической академии им. Ярослава Мудрого, Харьков (Украина).

могуществе, но и в сфере “духа”, в повсеместном победном шествии американского образа жизни, американизированной поп-культуры, культа обогащения, силы.

С легкой руки бывшего президента Р. Рейгана Советский Союз был заклеен как “Империя зла”. Рискнем сказать, что с не меньшим основанием США можно было бы назвать “Империя мамоны”. Вся человеческая история между тем подтверждает, как пишет наш величайший современник А.И. Солженицын, что: “Духовная жизнь народа важнее обширности его территории и даже уровня экономического процветания. Величие народа — в высоте внутреннего развития, а не внешнего”¹. Маленькая и бедная римская провинция Иудея в давнее время дала в сфере духа для мировой цивилизации гораздо больше, чем вся огромная и могучая Римская империя. Если, к примеру, Италия XIV—XVI вв., Франция XVIII—XIX вв. могли с основанием претендовать на идейное лидерство в мире, опираясь на свои неоспоримые успехи в сфере духа, то достижения США в области духовной культуры не выглядят впечатляющими соотносительно с их колоссальными богатством и мощью.

Победы американского образа жизни — этого идеала мещанского рая — воплощают гениальное предвидение Герцена: “Мещанство победит и должно победить... мещанство — окончательная форма западной цивилизации... — это та самодержавная толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая всем владеет”². “Мироправитель тьмы века сего и есть грядущий на царство мещанин, Грядущий Хам”, — вторит Герцену Мережковский³.

Рах Americana, провозглашаемый как бы по аналогии с античным Рах Romana, и этот последний, оба действительно аналогичны. Роднит их более всего — бездуховность. Увы, зерна этого главного зла нашего времени начали обильно прорастать давно и повсеместно. На второй день календарного XX столетия, 2 января 1901 г. в прессе появилось “Слово отца Иоанна Сергиева (Кронштадтского)”: “Если судить о мире по делам мира, — говорится в нем, — то невольно приходишь к заключению, что и люди, и мир идут быстро к нравственному разложению и спешат к концу. Эти бесчисленные секты и расколы, эти беспорядочные шатания лжеучителей и лжеучений, это крайнее умножение великих пороков и свержение с себя всякой узды Закона Божия, эти разбойничьи, упорные войны — ясно свидетельствуют, что люди лишились разума христианского и духа Христова и в слепоте своей вольной не знают, куда идут и к чему придут”⁴.

А выступая 23 декабря 1998 г. на общепатриархальном собрании Москвы, патриарх Московский и всея Руси Алексий Второй дал следующую оценку 1998 года: россияне жили “в безумном мире, где отсутствовала нравственность, господствовали волчьи законы, где брат грабил брата, а ложь и обман стали нормой поведения”⁵.

И это удел, конечно, не только России. Не в восторге от того, чем живет мир, и папа Иоанн Павел II. “Критерий, — говорит он, — которым руководствуется мир, есть критерий успеха, иметь власть... Иметь экономическую власть, чтобы суметь увидеть зависимость других. Иметь власть над культурой, чтобы управлять сознанием. Употреблять власть...

чтобы злоупотреблять ею”⁶. А в своей энциклике “Столетие” (“*Sep-tiesimus annus*”) папа говорит: “Нет — такому капитализму, который превратил в идолов рынок и прибыль, капитализму, который совершает те же коммунистические ошибки, не дает развиваться достоинству личности, а отдельный человек расценивается просто как элемент, молекула в социальном организме”⁷. Осуждая зло капиталистической эксплуатации и любые формы насилия, папа включает сюда и насилие “бедности и голода, которые гнетут столь многих...”⁸.

Бьют тревогу не только церковные иерархи. Обеспокоены духовным кризисом и совсем иные люди, задумываясь над тем очевидным обстоятельством, что развитие глобального общества с глобальными этическими ценностями далеко отстает от роста глобальной рыночной экономики. “Если этот разрыв не будет преодолен, — пишет хорошо у нас известный Дж. Сорос, — глобальная капиталистическая система не сможет выжить”. В качестве идейной основы для преодоления такого разрыва предлагается концепция так называемого открытого общества (Карл Поппер, Фридрих Гайек и др.). Что такое общество означает? Оно понимается как “отражение положительной стороны демократии — максимальная степень свободы в сочетании с социальной справедливостью, власть закона, уважение к правам человека, к меньшинствам и к мнению меньшинства, разделение властей и рыночная экономика”⁹.

Что же здесь, однако, оригинального сравнительно с корневыми идеями еще Адама Смита, Монтескье, Ж.-Ж. Руссо? Не фундаментализм ли это своего рода, только “свой”, западный, со знаком плюс! Все в нем издавна выглядит рационально, респектабельно, и все в жизни давно уже отражается, как в кривом зеркале, и уже не раз общества, зигдущиеся на западной демократии, подвергались самым жестоким социальным потрясениям. Это понимает и Дж. Сорос, поэтому он вводит в концепцию открытого общества такой “общечеловеческий” элемент, как “право на ошибку”, признание нашей погрешимости, которую нужно, кроме того, сочетать “с определенной долей альтруизма, с заботой о ближних, о людях, основанной на принципе взаимности”, и тогда, надо ожидать, концепция открытого общества обретет универсальную приемлемость и для Запада, и для любых вариантов “азиатских или каких-либо иных ценностей”. Но сколь в целом бедна духом эта “доля альтруизма” на принципе взаимности (“ты — мне, я — тебе”) по сравнению с высокими идеалами, утверждаемыми в любой из великих религий, по сравнению с божественной заповедью: “Люби ближнего своего, как самого себя” (Ев. Матф. 7.12)! С этих-то вершин предлагается спуститься к так называемому открытому обществу с его долей взаимного альтруизма. Поэтому-то люди и склонны отдавать свои симпатии высоким фундаменталистским ценностям преимущественно перед прозаичными, часто, увы, лицемерными благами т.н. открытого общества.

Что же касается до фетишизации пресловутой “максимальной степени свободы”, прислушаемся к ее оценке в устах папы Ионна Павла II: “... не бойтесь быть святыми! Именно эту свободу даровал нам Христос. Это не иллюзия свободы, обещанная мирскими властями: полная автономия, потеря всякой ответственности в отношении созда-

ний Божьих и детей, утверждение самодостаточности, которая делает нас беззащитными перед краткостью жизни, одинокими в тюрме нашего эгоизма, подчиняя нас "душе этого мира", обрекая быть "рабами тления"¹⁰. Гораздо ранее исключительно метко П.Я. Чаадаев писал: "Но с идеей о моей свободе связана другая ужасная идея, страшное, беспощадное последствие ее — злоупотребление моей свободой и зло как ее последствие"¹¹. На необходимость разумных пределов свободы указывает также Абду-Аллах ибн Абдуль Мухсин Ат-Турки: "Свобода в понимании мусульманских ученых — способность, возможность человека действовать, пока он не причиняет вред или зло себе или другим, ... свобода не может быть причиной или поводом, чтобы человек совершал зло, распространял разврат, ... свобода — право человека, ... которая имеет свои правила, ограничения и сферы"¹².

Мы уже по горло сыты "максимальной степенью свобод" дикого капитализма, вкусив их в полной мере лишь за несколько лет. Могут возразить: это у нас всегда все криво и косо, а вот на Западе, дескать, вождельный цивилизованный и облагороженный капиталистический рай. Но нет, пожалуй, более духовноавторитетной критики этого "рая", чем со стороны того же папы Иоанна Павла II, который в упомянутой энциклике "Столетие" выступает самым строгим судьей атеистического потребительского капитализма. Думается, это не тот идеал, к которому надо бежать, "задрав штаны", выражаясь по Есенину.

"Права" или "обязанности"?

Много дифирамбов в XX веке вознесено было свободам и правам человека. В 1998 году не без пафоса отмечалось 50-летие Всеобщей Декларации прав человека. Красивые слова, прекраснотушные идеи. Нет слов, Декларация сыграла и продолжает играть роль маяка в области защиты индивидуальных прав и свобод человека. Но, увы, и ныне огромное число людей страдают от нарушения провозглашенных и не провозглашенных в Декларации прав. Взять наугад любую из статей Декларации, все они нарушаются даже и самими, казалось бы, "цивилизованными" странами. Так, согласно ст. 13 Декларации, "Каждый человек имеет право покидать любую страну, включая свою собственную". Но попробуйте поехать даже просто туристом (не говоря о жительство), к примеру, во Францию, — с вас потребуют солидное денежное обеспечение, визу и т.п. Ведь чтобы покинуть свою страну, надо чтобы вас пустили в какую-то другую! Сколько бесприютных беженцев скитается по белу свету! Сколько этнических русских не могли и не могут достойно покинуть свои родные края, ставшие для них в одночасье неприятными. Кажется, лишь евреи после печального опыта многовекового рассеяния сумели в XX веке во многом обеспечить, но лишь самим себе, условия реализации на деле статьи 13 Декларации. Это обеспечение — лучшее свидетельство тому, что евреи отнюдь не служат только мамоне, живя и в США.

"Что может быть важнее прав и свобод человека?" — задает риторический вопрос В.Н. Софинский, один из ведущих российских дипломатов¹³. Позволим себе ответить: еще важнее — обязанности человека!

Показательно, что именно обязанности каждого человека составля-

ют ядро любых божественных заповедей, будь то откровения Моисея, Будды, Христа, Мухамеда, и на таких откровениях зиждется вся общечеловеческая мораль. К тем же выводам и идеям приходят и великие моралисты — Кант, Марк Аврелий, Толстой, Торо и др. Весь мир подчинен одному закону, и во всех разумных существах единый разум, — утверждал еще Марк Аврелий. Основа всех вер одна и та же, — пишет Л.Н. Толстой¹⁴. Изумление и преклонение вызывает то, что моральный императив — равный Закону, изначально преподанный разными устами и в разных краях земли, вопреки, казалось бы, этому, в основах своих един, исходит с очевидностью из одного общего Источника.

“Источник наших обязанностей — в Боге. Определение наших обязанностей заключается в Его законе. Все больше раскрывать и применять этот закон — такова задача человечества” (Тосиф Мадзини)¹⁵. Знать, что справедливо, и исполнять это — в этом обязанность и преимущество человека, — свидетельствует “Рамаяна”¹⁶. Этический императив высшей пробы и солженицынское: “жить не по лжи”.

Делая упор на охрану прав и свобод человека, как-то забыли, что основа права всегда в связке прав и обязанностей. Нельзя, полагая, считать, что обязанности, корреспондирующие правам человека, лишь на стороне государств. В жизни люди страдают от ущемления своих важнейших прав прежде всего из-за несоблюдения должных обязанностей другими людьми же.

Соблюдал бы каждый человек фундаментальные, общечеловеческие заповеди: “не убий”, “не укради” и т.д., очевидно, не потребовалось бы много и защищать права людей и, прежде всего, главное, право на жизнь. Насколько, однако, противоположны подходы к нему различных человеческих обществ и цивилизаций! Запад, логически следуя своей кардинальной концепции примата индивидуальной свободы, стоит на защите каждой отдельно взятой жизни, “туманно” обеспечивая, в том числе в рамках Совета Европы, неприкосновенность жизни для самых отъявленных злодеев и убийц. Но как вяжется все это с параллельно все возрастающей в тех же самых странах Запада пропагандой правомерности эвтаназии, абортов?

Восток, в том числе мусульманский, несомненно, на наш взгляд, придерживается гораздо более гуманной концепции защиты жизни не отдельных убийц и им подобных “отморозков”, но их жертв, а по сути, жизни общества в целом. Так, в Коране говорится: “... кто убил душу не за душу или не за порчу на земле, тот как будто бы убил людей всех” (Сура Трапеза. 35(32))¹⁷. Таким образом, жизнь отдельного человека (жертвы) приравнивается как бы к жизни всего человечества.

Глобальный фундаментализм

Говорят, количество добра и зла в мире всегда неизменно, меняется лишь обстановка. Это сомнительно, особенно, что касается крупномасштабных проявлений зла (добро, увы, менее наглядно), т.е. конфликтов с применением насилия в рамках целых стран и регионов. В наше время наблюдается, как было уже и ранее в отдельные исторические, чреватые этико-социальными кризисами эпохи, выход на первый план этнических и конфессионально-этических факторов, часто в т.н. фундамента-

листском облиции, вместо еще исторически недавно преобладавших традиционных межгосударственных, политико-территориальных конфликтов. В связи с этим из условно обозначаемого нами т.н. либерально-демократического лагеря раздаются проклятия в адрес фундаментализма как явления, в коем усматривается один из главных источников всемирной нестабильности и угроза миропорядку¹⁸. Отсюда простой вывод — борьба и обуздание фундаментализма во всех его проявлениях.

Однако не правильнее ли было задуматься, в чем корни и привлекательность фундаментализма, будь то исламский фундаментализм, демонстрирующий в наше время наибольшие успехи (и, на наш взгляд, именно потому, что он наглядно духовен), или, к примеру, католический — стабильно устойчивый и респектабельный, поэтому, очевидно, “опасным” на Западе не считающийся. Возможно, и православный, который тоже жив и который, неизвестно почему, западная политология (например, Р. Пайпс, Зб. Бжезинский) по потенциальной “опасности” приравнивает чуть ли не к самому коммунизму. Кстати, и этот последний, в большевистском исполнении сравнительно молодой феномен, стал уже тоже своего рода фундаменталистской силой. Уникально интернационален постепенно исчезающий дворянский фундаментализм, в основе которого ныне остаются по сути исключительно этические идеалы: честь и достоинство без заносчивости, рыцарственность без воинственности, патриотизм без ксенофобии, богопочитание без конфессионной нетерпимости.

Думается, привлекательность фундаментализма для миллионов людей вовсе не в якобы имманентных для него агрессивности и ригоризме. Его идеальное обаяние в ореоле вечной справедливости, социальной и моральной, тяга к которой тем сильнее, чем нагляднее господствующий уклад (будь то давным-давно, Рах Романа или современный Рах Америгана), демонстрирует бездуховность, вульгарность, необузданный материализм, безрассудную индустриализацию, культ денег, насилия и секса. Фундаментализм по сути есть здоровая, возможно не всегда адекватная, нравственная реакция на все это. “Фундаментализм, — считает востоковед Ю. Ганковский, — никогда и нигде не представлял сам по себе никакой опасности. Другое дело — как его используют в политике”¹⁹. Такая позиция ученого перекликается с суждениями мусульманских духовных учителей: “Не надо бояться истинного фундаментализма, — считает имам Р. Гайнутдин. — Фундаментализм — это тишина и размышления, и никакой агрессивности”²⁰.

Напрасно и неосновательно западный мир, вернее, западная идеология усматривает столбовую дорогу истории исключительно на путях современной собственной цивилизации, в лучшем случае в рамках давно между тем отодвинутых, увы, на обочину современной жизни корневых католическо-протестантских этических ценностей открытого общества.

Давайте попробуем подняться от западно-ориентированного, т.н. ограниченного глобализма²¹ до глобального фундаментализма, который наряду с положительными ценностями западной демократической ментальности включал бы в себя органически всю гамму ценностей, присущих другим фундаменталистским концепциям. Почва, осторожно

нащупываемая Дж. Соросом на пути альтруизма, многие уже века заботливо возделывается во всех уголках мира, это — общечеловеческие, гуманистические ценности, прочно закрепленные в богооткровенных заповедях и священных книгах христиан, иудеев, магометан, индуистов, буддистов, конфуцианцев и других великих конфессий, а также в лучших творениях великих философов и моралистов.

Jus divinum (божественное право — лат.)

Даже и на Западе стало как бы наивным и неприличным в научном обиходе прибегать к религиозной аргументации. При этом забывается, что не только в ходе многих тысячелетий истории человечества, но и до наших дней мировоззрение подавляющего большинства людей на Земле исходит из божественного промысла в мироздании, тем не менее, цитировать меткие замечания и мысли государственных деятелей, ученых, философов в порядке вещей, но как бы некое табу наложено на многовековую мудрость сакральных откровений. Показательно между тем, что в конституциях многих стран мира, причем не только в конституциях старых (например, США, Аргентины, Греции), а также и более молодых (например, Ирландии, ФРГ, Украины) содержатся прямые отсылки к Божественным основам государственности соответствующих стран. В основных законах мусульманских стран обращения к Богу особенно обычны и внушительны. “Во имя милостивого и милосердного Бога, поскольку верховная власть во всей Вселенной принадлежит одному всемогущему Аллаху и власть которого должна осуществляться в пределах, им предписанных...”, — читаем, к примеру, в преамбуле Конституции Пакистана. А в Саудовской Аравии в качестве основного закона прямо выступают законы шариата. “Конституцией Королевства являются Писание Аллаха (Коран) и Сунна Его посланника...”²² Но и кроме государств, где призыв к Всевышнему прямо закреплен в основных законах, во множестве стран, где такого закрепления нет, большинство населения или немалая его часть не выглядит атеистичным. Напротив.

Лишь к XVIII веку укрепились среди части сначала европейцев рационалистические богоборческие атеистические идеи. Еще по сути ничего толком не зная о строении материи, о происхождении жизни, но убедив себя без действительных к тому оснований в неограниченных возможностях познания, якобы заложенных в человеческом мозге, атеизм на метафизической фактически основе отвергает Бога — демиурга и законоустановителя. Примечательно при этом, что ученые, внесшие наивысший вклад в естественные и точные науки: Коперник, Авиценна, Ньютон, Лейбниц, Дарвин, Менделеев, Эйнштейн, Павлов и другие, отнюдь не склонны были впадать в богоборчество. Последнее оказалось более уделом философов чисто умозрительного склада, как Гольбах, Гельвеций, Фейербах, Маркс, Ницше. Не вдаваясь в критику материалистического атеизма, отметим лишь очевидный в наше время кризис основных трех “китов” материализма, а именно: редукционизма (узкого “атомизма”), дарвинистического эволюционизма и рационализма²³.

Предвидим между тем, что сама постановка вопроса о взаимосвязи Бога и права в глазах ортодоксов-атеистов может показаться антинауч-

ной, средневековой, косной и т.п. Но мы далеко не первые, кто поднимает эту тему, причем и в самое последнее время²⁴. Мы исходим из того, что большинство людей на Земле состоит не из атеистов, и для большинства взаимосвязь Бога и права не покажется косной.

Не уйти и от того факта, что на заповеди Божьи опирается по сути любое законодательство современного мира, от церковных канонов и законов шариата до современных уголовных и иных кодексов. Закон Божественный, *jus divinum*, лежит в основе и международного права. На каком авторитете, кроме Божественного, еще задолго до принятия, в частности, Декларации о принципах международного права (кстати, обладающей не большей обязательной силой, чем любая рекомендательного характера резолюция Генеральной Ассамблеи ООН), на чем могли бы зиждиться эти принципы? Задумаемся, почему, в силу какого универсального императива основополагающий принцип *pacta sunt servanda* испокон веков непререкаем, иначе, сакрален?

Показательно, что в мусульманском мире и сегодня Аллах (Бог) выступает гарантом договоров. Египетский профессор М. Аль-Хунами пишет: "Согласно доктрине ислама, Бог считается третьей стороной в любом договоре, заключенном мусульманами"²⁵. Трудно в противовес этому согласиться с тем, что само соглашение создает право (по Г. Гроцию), ибо всякое соглашение, договор, а тем более право обязательно нуждается в гарантии со стороны, в договоре прямо и не участвующей, будь то божественная сила или человеческая власть, которая, как убеждены верующие, производна от Бога же.

Для наших целей достаточно сказать, что в своем (отнюдь не оригинально нашем) взгляде на природу права вообще и международного права в частности мы отправляемся не от предопределенности этой природы идеологической или политической заданностью, классовыми или национальными интересами, но из имманентной основы права, и в этом есть элементы сходства со школой естественного права, в широком смысле, и психологической школой права. Такой корневой подход мы находим еще у Цицерона: "Закон ... есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что следует совершать, и запрещающий противоположное ... мы по природе своей склонны любить людей, а это есть основа права"²⁶. Именно Цицерона, а не Г. Гроция следует считать в этой связи основателем естественной школы права²⁷.

Заповедь Христа неизмеримо выше: "А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящих вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас... (Ев. Матф. 5.44). Далее: "Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки" (Ев. Матф. 7.12). Заметим, речь идет вовсе не о правах человеческих, но о этико-религиозных обязанностях.

Можно, разумеется, говорить, что закон при этом понимается не в юридическом, но в нравственном смысле. Не углубляясь в рассмотрение вечной темы соотношения права и морали, мыслится, не ошибемся, сказав, что по большому счету закон правовой есть лишь ограждаемый и обеспечиваемый принудительной силой минимум закона морального,

лишь верхушка морального айсберга, пользуясь банальной метафорой. Не случайно право и мораль (в истоках своих — религиозная) первоначально не разделялись, и развитие права есть процесс прогрессивного воссоединения права и морали.

Основополагающая божественная заповедь в нас же самих. “Ибо заповедь сия... не недоступна для тебя и не далека; она не на небе, чтобы можно было говорить: ”кто взошел бы для нас на небо и принес ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее”, не за морем она, чтобы можно было говорить: “кто сходил бы для нас за море и принес бы ее нам, и дал бы нам услышать ее, и мы исполнили бы ее”, но весьма близко к тебе слово сие: оно в устах твоих и в сердце твоём, чтобы исполнить его”. (Второзаконие, 30:11—14). Сознание человеком своего закона есть проявление того Бога, который живет в нем, — поясняет по сути эту заповедь Л.Н. Толстой²⁸.

Исключая из законов человеческих его основу — закон Божественный, исключая ответственность властителей перед судом Божиим, подменяют ее ответственностью перед судом земным, вроде, к примеру, сложной и трудноисполнимой процедуры импичмента. А по существу ответственность сводится к политическим манипуляциям, в результате которых виноватый нередко оказывается невиновным, а невинный делается козлом отпущения. Закон же Божий прост, доступен и понятен сердцу каждого, совесть не обманешь. Совесть есть “голос Божий внутри нас”, как определили святые отцы церкви еще в первые века христианства.

Хартия Добра

Закон Добра изначально и, на эгоистично-невежественный взгляд, иррационально вложен в наши сердца, многократно подтвержден в откровениях пророков. Но человек может блюсти эту морально-божественную связь и этот Закон, может и нарушать его, творя зло, ибо Бог наделил человека также свободой воли, в чем прав был, очевидно, Эразм Роттердамский в его полемике с Мартином Лютером²⁹. Бог сотворил человека по своему образу и подобию. “Этот образ Божий, его подобие, — пишет П.Я. Чаадаев, — это наша свобода. Но, сотворив нас столь удивительным образом, Он к тому же одарил нас способностью знать, что мы противимся своему Создателю”³⁰. Хотя человек и наделен свободой воли, в общих интересах поэтому и каждого из нас, и человечества в целом, чтобы наша *общая* воля следовала бы Божественному Закону Добра. Даже языческий Рим понимал, что *jus est ars boni et aequi* — право есть искусство добра и справедливости. На современном уровне всеобщей глобализации жизни на планете необходимо уже, чтобы этот Закон Добра был соблюдаем не только в каждой из ячеек общества, каждой конфессией и каждым государством (не всегда однозначно), но и аккумулирован был бы в единой общечеловеческой Хартии Добра, тем более что добро универсально.

“Если бы Богу было угодно, — говорится в Коране, — Он бы сделал всех нас одним народом, но Он испытывает нас. Где бы вы не были, все стремитесь изо всех сил к добру: придет день, когда Бог соединит всех нас”³¹. Наш долг идти этому навстречу.

Своего рода “синтетический”, глобальный фундаментализм, который мог бы быть выражен в Хартии Добра, был бы приемлем не только для верующей в Бога подавляющей части человечества всех вероисповеданий, но и для гуманистически ориентированных атеистов, их хотя и меньшинство в мире, но меньшинство многочисленное. Ведь и убежденному атеисту трудно опровергнуть, что в мир не было привнесено более высоких идеалов гуманизма, чем те, что содержатся в высших заповедях Божьих. Мы не пропагандируем эккуменизма, речь не идет о сближении и конформизме отдельных религий, но о вычлениении из каждой гуманистических заветов. Нужен отбор таких морально-этических и правовых инструментов, которые не разъединяют, но объединяют нации, приемлемы и для любого вероучения, и для гуманиста-атеиста. Хартия — для всех людей и против всех религиозных конфликтов. Настало время, чтобы верующие и атеисты, мусульмане и иудаисты, православные и католики, сунниты и шииты, буддисты и конфуциане, англикане и лютеране, сикхи и кришнаиты, баптисты и адвентисты, оставив разногласия, объединились бы вокруг общих этических ценностей.

Человечеству самим Богом как бы предоставлены были многие тысячелетия (!), чтобы освоиться в мироздании; взрастить на доброй ниве урожай этических, идеологических, духовных ценностей. Тем более что человек был изначально щедро наделен огромным интеллектуальным потенциалом. Зачем, спрашивается, первобытному человеку, охотнику и пастуху, нужен был физиологически тот же самый по заложенным в нем мыслительным способностям мозг, которым оперирует и современный ядерный физик? Это особенно поразительно, имея в виду, что все другие представители живой природы строго наделены способностями, не превышающими потребностей выживания вида в рамках особой экологической ниши.

Парадокс всемирной исторической драмы в том, что люди вступают в эру глобальной вторжения в основы мироздания духовно не вооруженные, потратив отпущенные им на нравственное совершенствование тысячелетия на войны, бесплодные религиозные и социальные конфликты и мудрствования, на истребление друг друга и природы. Научно-техническая революция происходит в условиях все той же первобытной духовной скудости, а может быть, и духовного регресса, ибо всплеск технического прогресса совпал, к сожалению, с постепенным укоренением идейного и бытового атеизма. “Прогресс” и оказался призванным служить в первую очередь войне, а во вторую очередь — мамоне. Погоня за всяческими удобствами, удовольствиями и наслаждениями становится культом. Это как бы повторение на новом витке истории еще древнеримского тезиса — “хлеба и зрелищ”, совпавшего тогда, кстати, по времени с возникновением христианства и христианской идеи Божественной справедливости. Повтору этому и в XX столетии сопутствовали два эксцесса, имевших в своей идеологической основе, как ни парадоксально, поиск социальной справедливости — коммунизм и фашизм. Другое дело, — с негодными средствами, но с провозглашаемыми благами целями, что попервоначалу и увлекло множество простодушных, чаявших и в фашизме, и в коммунизме справед-

ливого устройства жизни. Любая цель никогда, однако, не оправдывает средств, хотя бы уже по той простой причине, что именно так называемые средства есть не что иное, как модель человеческого поведения и взаимоотношений людей. Но именно некая модель людского общежития обычно выдвигается и как цель! То есть цель и средства суть то же самое.

Технический прогресс стал главной угрозой существования человечества. Шаткая власть над атомной энергией, всепроникающая химизация, разрушение окружающей среды, вторжение в генетику живой природы, биотехнология — все это и многое другое оказалось в распоряжении современного духовно, морально слепого человека, которого можно уподобить младенцу, играющему заряженным пистолетом.

За обозримо долгую историю человечества, казалось бы, этическая эволюция должна была привести к торжеству в природе человека либо добра, либо зла. Но нет. Видимо, и то и другое имманентно присуще человеку. В каждом из нас еще сидят и Каин, и Авель, и доктор Джикил, и мистер Хайл.

Должно ли на Земле в конце концов победить добро, а к этому зовет любая религия, или зло, часто и наглядно празднующее свои победы? Или борьба этих противоположных начал есть суть и смысл существования человека? История пока не кончается. Очевидно, она и даст ответ. Впрочем, не дай Бог, при конечной победе зла, а победа эта апокалиптична, — о ней сами люди как земные создания, наверное, не успеют узнать. Тайна сия велика есть. Завеса над ней, однако, многократно приоткрывалась человеку в Божественных откровениях, чудодейственно схожих для всех времен и стран земных. Не есть ли мы предмет гигантского длительного (по нашим меркам) эксперимента интеллектуальных и моральных качеств подопытного материала? Даже с отбором лучших особей и с отсевом бракованных? Ведь и это содержалось в откровениях.

Человек не просто часть природы, но и принципиально особенная ее часть, отягощенная ношей понимания добра и зла. Потому-то библейский Бог и наложил было запрет для первых людей на это понимание, зная, как будет часто непосильно трудно человеку, наделенному свободой воли, балансировать между добром и злом.

К счастью, Господь указал и путь — путь Добра, лишь следуя которому у человечества остается шанс сохраниться³².

XX век стал свидетелем первых универсального характера, но еще малоэффективных усилий обеспечить права и свободы человека. Но эти права несомненно могут быть надежно обеспечены только за счет самообуздания личных свобод людей ясными, непреложными, универсальными обязанностями.

С другой стороны, современное международное право идет иным путем, путем закрепления когентными принципами именно обязанностей государств, но забывает при этом о четком определении прав государств, очевидно, исходя при этом из обветшалых представлений о некоем якобы абсолютном суверенитете, позволяющем государству делать все что угодно внутри и все, кроме некоторых когентных запретов, вовне.

Модель эта, как показывает опыт, далека от обеспечения эффективной охраны как международного правопорядка, так и защиты прав и

свобод человека. Пора поэтому поставить дело с головы на ноги: регламентировать взаимоотношения людей всего мира и на всех уровнях прежде всего посредством общепризнанных *обязанностей*, а не прав, а равно обусловить *пределы* прав государств как в отношениях между собой, так и со своими гражданами. Это две разные задачи, обе решаемы только на международном уровне. При этом начинать надо с первой, с урегулирования в Хартии Добра обязанностей во взаимоотношениях людей, ибо нельзя забывать, что в конечном счете и государство, будучи юридически некоей абстракцией, действует только через конкретных людей. И именно эти люди, нарушая нормы Добра, могут причинять наибольший вред. Их действия и надо поставить в рамки норм Хартии в первую очередь. Хартия могла бы стать универсальным кодексом поведения как для простых людей всего мира, так особенно и для государственных деятелей, которые сначала были бы морально ответственны за нарушение заповедей Хартии, т.е. за творимое зло, а впоследствии, если бы Хартия укоренилась в сознании людей и была бы принята на международном и национальном уровнях, отвечали бы за ее нарушение по строгости закона.

Такая Хартия могла бы стать сводом глобальных фундаменталистских ценностей в противовес региональному или иному социально-ограниченному фундаментализму всех видов. Это был бы не очередной свод прав человека, но кодекс его фундаментальных обязанностей перед Богом, людьми и перед самим собой.

Мир человека есть и, надеемся, еще долго, если сам человек сумеет его сохранить, будет многополярным этнически, социально-культурно, конфессионно, идеологически, государственно-политически.

Но избави нас Всевышний от любых новых посягательств на геополитическую однополярность, что всегда, о чем вопиет история, чревато было бесконечными и самыми губительными конфликтами. Пусть торжествует однополярность мира только одна — этическая, основанная на глобальных фундаменталистских ценностях *jus divinum*.

Авторы питают надежду, что эта статья найдет некий отклик, достаточная широта которого могла бы послужить резонансом для первых шагов подготовки проекта Хартии Добра способами, которые, однако, еще предстояло бы найти.

P.S. Статья писалась задолго до американо-натовского карательного погрома Югославии, наглядно ознаменовавшего собой переход к открытому силовому притязанию на мировую гегемонию. — *Авторы, май 1999 г.*

¹ Солженицын А.И. Россия в обвале. — М., 1998, с. 202.

² Цит. по кн. Мережковский Д.С., Гиппиус-Мережковская З.Н. — М.: Моск. рабочий. — 1990, с. 524.

³ Там же, с. 542.

⁴ Цит. по "Известия", 7 апреля 1998 г.

⁵ Цит. по "Известия", 24 декабря 1998 г.

⁶ Из выступления на Парламентской ассамблее Совета Европы в Страсбурге 8 октября 1988 г.// "Известия", 12 апреля 1991 г.

⁷ Ильинский М. Вокруг папской энциклики. — "Известия", 10 мая 1991 г.; См.

также: Энциклика Его Святейшества папы римского 1881—1981—1991 гг. О труде и человеческой жизнедеятельности, праве и морали. — Киев, 1993, с. 187—278.

⁸ “Известия”, 28 января 1999 г.

⁹ Сорос Дж. Будущее капиталистической системы зависит от упрочения глобального открытого общества. — “Финансовые известия”, 15 января 1998 г., с. V; см. также Popper K. The Open Society and Its Enemies. — L. — 1961.

¹⁰ Из проповеди святого отца во время мессы в Монто дель Госо, Сантьяго де Компостела, 20 августа 1989 г. Цит. по “Известия”, 12 апреля 1991 г.

¹¹ Чаадаев П.Я. Статьи и письма. — М., 1989, с. 87.

¹² Ат-Турки А. Ислам и права человека на примере Королевства Саудовская Аравия/Пер. с арабского “аль-И’тисам”. — Эр-Рияд, 1997 г., с. 56—62.

¹³ Софинский В.И. Всеобщей Декларации прав человека — 50 лет//МЖМП, Спец. выпуск, 1998 г., с. 12.

¹⁴ См. об этом подробнее: Толстой Л.Н. Круг чтения. — Т. I, с. 288, 334; Т. II, с. 56, 89. — М., 1991.

¹⁵ Там же, т. I, с. 268.

¹⁶ Там же, т. II, с. 113.

¹⁷ Коран / Пер. с араб. акад. И.Ю. Крачковского. — М.: СП ИКПА. — 1990, с. 106.

¹⁸ См. например, Бовин А. / “Известия”, 21 января 1998 г.

¹⁹ Цит. по кн. Малащенко А.В. Исламское возрождение в современной России. М.: Моск. Центр Карнеги, 1998, с. 127.

²⁰ Там же, с. 127—128.

²¹ Дж. Сорос, указ. соч., с. V.

²² Ат-турки А., указ. соч., с. 89.

²³ См. об этом: Тростников В.Н. Научна ли “научная картина мира?”// “Новый мир”, 1989, № 12, с. 257—263.

²⁴ См., к примеру, широкое развитие этой темы на страницах журнала “Российская юстиция”, № 1, 5, 11 за 1996 г.; № 1 за 1997 г. (Статьи П. Баренбойма, игум. Игнатия (Крекшина), Е. Ратковского, Я. Кротова, А. Панаюска, А. Куприянова) и мн. др.

²⁵ Цит. по: Лукашук И.И. Международное право. Общая часть: Учебник. — М., 1996 г., с. 26.

²⁶ Цицерон, Leg 1, 18—19.

²⁷ Ср. Кн. Трубецкой Е. Энциклопедия права. — М., 1917, с. 55.

²⁸ Л.Н. Толстой, указ. соч., т. I, с. 410.

²⁹ См. Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986, с. 218—545.

³⁰ Чаадаев П.Я., указ. соч., с. 88.

³¹ Цит. по: Толстой Л.Н., указ. соч., т. I, с. 253.

³² О вечном непреложном законе добра — принципе солидарности и любви см. Трубецкой Е., указ. соч., с. 45—52; См. также Соловьев В.С. Чтение о Богочеловеке, “Православное обозрение”. — М. — 1881; Его же “Оправдание добра”. — М., 1899.

Статья поступила в редакцию в феврале 1999 г.